

Старейшина Су не ожидал, что Цзи Нуань осмелится так говорить, его выражение лица мгновенно стало темным и мрачным.

В дело семьи Су был вовлечен и Мо Шаоцзе. Он понимал, что поступил неразумно, и не пытался высказаться.

Су Чжилань, скорее всего, замолчала от гнева. Она не проявляла никаких явных эмоций, но ее взгляд был прикован к Цзи Нуань.

"Все!" Когда Мо Цзиншэнь увидел выражение лица Су Чжилань, как будто она сдерживала себя, он взял Цзи Нуань за руку и встал.

Его выражение лица было спокойным, как тихая вода. Он сохранял сдержанность и скромность, соответствующую обстоятельствам, но его глаза были ледяными. "Мои извинения. Нуань Нуань сейчас беременна и не может находиться в таких ситуациях. Это повлияет на ее настроение. Я верну ее в комнату, чтобы она отдохнула. Старейшина Су и госпожа Су, если вы оба искренне хотите встретить Новый год с нами, семья Мо, естественно, пригласит вас на ужин. Но если у вас есть другие мотивы, то мы не будем вас отпускать. Пожалуйста, уходите".

Закончив свои слова, он взял Цзи Нуань за руку и повел ее вверх по лестнице.

Его шаг был небыстрым, но он не оборачивался. Он не проявлял никаких колебаний или намерения объясняться дальше.

Цзи Нуань ничего не сказала и послушно позволила Мо Цзиншэню тащить ее за собой. По сравнению с эгоцентричным Су Чжиланем, она была счастлива, что он привел ее наверх.

Кроме того, атмосфера в гостиной была действительно плохой. Ей было лень спорить с ними.

Что касается Мо Цзиншэня, то его отношение было еще более холодным, чем у нее. Он не проявлял ни малейшей сдержанности и явно игнорировал семью Су. Он даже не сохранил лицо для Мо Шаоцзе и Вань Чжу.

Особенно Су Чжилань.

Выражение лица Су Чжилань не выдавало ее эмоций, но ее глаза были безгранично темными.

Вань Чжу и Мо Шаоцзе тоже взяли паузу, чтобы обдумать свои слова.

Что сказал Мо Цзиншэнь?

Цзи Нуань была беременна?!

"Цзиншэнь?" Вань Чжу поднялась с дивана и собиралась броситься к лестнице, чтобы расспросить его. Однако они уже отошли от лестницы на значительное расстояние.

Вань Чжу обернулась и посмотрела на Мо Шаоцзе, который нахмурил брови. Его выражение лица было не слишком довольным. Старейшина Су явно пришел сегодня с другими целями, и он планировал позволить Мо Цзиншэню самому решить этот вопрос. Однако тот ушел, не возвращаясь, оставив Мо Цзиншэня разгребать этот беспорядок.

Вопрос о беременности Цзи Нуань был действительно шокирующим.

Когда он услышал о беременности Цзи Нуань, выражение лица старейшины Су стало крайне неприятным. Он уже собирался встать, чтобы увести Су Чжиланя, но Су Чжилань крепко его удержал.

"Дедушка, все в порядке". Су Чжилань опустила глаза и спокойно проговорила: "Сейчас госпожа Цзи - жена Цзиншена. Понятно, что он защищает свою жену. Наше отношение действительно было немного чрезмерным. Это правда, что Цзиншэнь... ничего мне не должен...".

Услышав это, Мо Шаоцзе наконец заговорил: "Правильно. Поднимая эти темы, вы только вызовете еще больше головной боли. Старейшина Су, посмотрите на это с другой стороны. Хотя мы и не можем быть родственниками, дружба, сложившаяся между семьями Мо и Су за годы работы в мире бизнеса, никогда не изменится. Теперь, когда Цзи Нуань беременна, мне, как отцу, не стоит больше ничего говорить по этому поводу".

Ван Чжу улыбнулась. "Сегодня празднуется Новый год. Раз уж мы собираемся на ужин, давайте сохраним вежливую, живую и дружелюбную атмосферу. Лучше оставить эти старые вопросы в прошлом. Качества Чжилань настолько хороши, что я уверен, что многие мужчины гораздо более выдающиеся, чем Цзиншэнь, заинтересованы в ее преследовании. Хотя мой сын приятен на вид, его характер крайне безвкусен. Даже если вы будете с ним, вы не обязательно будете счастливы."

--

В этот момент Цзи Нуань тащил за собой некий великий президент Мо, у которого был безвкусный характер.

Она провела экскурсию по второму этажу дома Мо в Лос-Анджелесе. Они подошли к концу коридора и, отодвинув окна от пола до потолка, вышли на балкон. Римские скульптуры, о которых Су Чжилань говорил ранее, сразу же попали в поле зрения.

Действительно, в них чувствовался античный вкус. Кроме того, при одном взгляде на них становилось ясно, что это ценная вещь. Любую из этих римских скульптур восьмидесятих годов можно было обменять на ее студию. Это действительно были вещи, которые обычные люди не могли коллекционировать.

За скульптурами находился павильон с водой, который был слегка припорошен снегом. Однако маленькие дорожки, извивающиеся через него, были очень чистыми. Далее позади стояло несколько европейских зданий и чердаков, аккуратно выстроенных в ряд.

"Ты хочешь остаться здесь на ночь?" Мо Цзиншэнь провел пальцами по ее волосам и нежно коснулся ее головы.

"Конечно. Для меня не имеет значения, где мы остановимся. В конце концов, это место такое большое, а я, похоже, очень нравлюсь твоей маме. Я не испытаю большого стресса, даже если мы останемся здесь". Цзи Нуань резко повернулась и прислонилась к перилам балкона, подняв голову, чтобы посмотреть на высокого широкоплечего мужчину: "Неудивительно, что твой дедушка специально воспитывал твою маму, чтобы поиздеваться над твоим отцом. Оказывается, характеры ваших родителей находятся на разном уровне стандартов".

Мо Цзиншэнь усмехнулся. "Тогда мы останемся здесь на ночь, а завтра уедем. Хорошо?"

"Хорошо."

Небо быстро темнело. Когда Цзи Нуань и Мо Цзиншэнь спустились по лестнице, они обнаружили, что старейшина Су и Су Чжилань еще не ушли.

Старейшина Су и Мо Шаоцзе только что открыли бутылку хорошего вина, и Су Чжилань помогала им разливать его. Враждебная атмосфера, царившая ранее днем, казалось, исчезла.

Как только она увидела Цзи Нуань, Вань Чжу сразу же подошла и спросила с теплым выражением лица: "Невестка, ты действительно беременна?".

Цзи Нуань кивнула. "Еще нет и двух месяцев.

Доктор сказал, что она не очень стабильна, поэтому я не решилась поднимать этот вопрос слишком рано".

"Это нормально, если она не очень стабильна. Когда я была беременна Цзиншэнем, моя беременность тоже была не очень стабильной. Все будет хорошо, если ты будешь больше лежать и отдыхать". Ван Чжу тут же перевела взгляд улыбающихся глаз на Мо Цзиншэня, который слегка приподнял брови. "Неудивительно, что ты вернул Цзи Нуань в комнату, чтобы она отдохнула. Ты действительно более надежен, чем твой отец, и знаешь, как заботиться о своей жене. Когда я была беременна тобой, у меня каждые несколько дней болели голова и живот. Кроме того, что твой отец отправил меня в больницу с мрачным выражением лица, он больше ничего не делал. Даже то, как он спрашивал о моем самочувствии, было таким прямолинейным. Он совсем не умеет быть милым".

Мо Шаоцзе, который только что поднял бокалы со старейшиной Су и сделал глоток вина: "..."

Когда Вань Чжу потянула Цзи Нуань за собой, чтобы сесть, она наклонилась к ней, чтобы прошептать. "Госпожа Су и старейшина Су сегодня не вернутся. Они останутся у нас на одну ночь. Семью Су и семью Мо можно считать старыми друзьями. Днем мы не слишком следили за лицом старейшины, поэтому сегодня отец Цзиншэня выпьет с ним несколько бокалов вина, чтобы восстановить дружеские отношения. Если тебе не нравится видеть их, возвращайся в свою комнату с Цзиншэнем, как только мы закончим есть. Не нужно беспокоиться о вежливости. Я не обижусь".

С такой разумной свекровью, даже если ей не понравится сидеть напротив Су Чжиланя во время ужина, Цзи Нуань сможет терпеть это с улыбкой.

"Все в порядке, я не особенно не хочу. Кроме того, это не просто вопрос вежливости. Я очень четко разделяю хозяев и гостей. Не волнуйся, я не расстроюсь". Цзи Нуань подмигнула ей.

Ван Чжу похлопала Цзи Нуань по плечу и подмигнула ей в ответ.

Увидев возникшее, казалось бы, из ниоткуда взаимопонимание и молчаливое понимание между ними, губы Мо Цзиншэня изогнулись в незаметной улыбке.